

УДК 05/07:34:355.48(47).1941–1945

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ

© Казарин В. Н., 2020

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Анализируются дискуссионные проблемы Великой Отечественной войны в новейшей научно-правовой журнальной периодике. Проанализированы публикации в наиболее значимых российских научно-правовых изданиях. Отмечено, что государственно-правовые проблемы истории войны постоянно привлекали внимание ученых-юристов, в новых геополитических условиях после распада СССР ученые обратились к изучению ряда проблем, которые до этого не являлись предметом самостоятельного изучения, либо во многом по-новому рассмотрели уже изученные явления и события. Отмечена дискуссия об ответственности за развязывание Второй мировой и Великой Отечественной войн, указаны цели гитлеровской Германии. Определено, что это не только ликвидация государственности СССР; национал-социалистская идеология, планы германского руководства и их реализация представляли угрозу физическому существованию русского и других народов нашего общего Отечества. Подчеркнуто, что в суровых условиях войны развивались все отрасли права, прежде всего административное, уголовное и трудовое. Показано изучение учеными уголовно-правовых методов борьбы с преступностью. Рассмотрено освещение проблемы плена как неотъемлемого элемента войны и проявлений коллаборационизма на оккупированных советских территориях. Отдельно рассмотрено изучение учеными-юристами международных, политических и правовых проблем войны на Дальнем Востоке, территориального переустройства и его последствий в этой части Северо-Восточной Азии. Подчеркнуто, что общественно-политическая и идеологическая ситуация последних десятилетий налагала определенный отпечаток на проблематику некоторых публикаций. Утверждается, что явно преобладал профессиональный анализ исследуемых проблем и современные российские ученые-юристы внесли значительный вклад в изучение актуальных вопросов истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, государственно-правовые проблемы, юридическая наука, историко-правовые исследования.

Происхождение и причины войны, цели воюющих сторон

Анализ любой войны, кем бы он ни осуществлялся, всегда начинается с ее происхождения, причин и целей воюющих сторон. Еще несколько десятилетий назад этот вопрос в отечественной научной литературе не вызывал каких-либо значимых дискуссий. Современная ситуация выглядит иначе. Приравнивание влиятельными политическими кругами в странах Евросоюза тоталитарных режимов – СССР и фашистской Германии – ставит вопрос об их ответственности за развязывание самой разрушительной войны в истории человечества. В резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 г. прямо предписывается использовать польский опыт и «очистить» территории стран Евросоюза от памятников советским воинам. Реальная практика сносов памятников советским военачальникам, воинам, обвинение их во всяческих грехах, возвеличивание коллаборационизма и доволь-

но слабая реакция на это российских властей лишь обостряют эту ситуацию.

Уже в новых условиях «переписывания» истории к вопросу о причинах и виновниках войны обратился О. И. Чистяков. «Гвардии сержант, командир орудия», как он себя характеризует, доктор юридических наук, профессор, длительное время возглавлявший кафедру истории государства и права Московского университета, участник войны, отвечая тем, кто утверждает, что, если бы не было пакта Молотова – Риббентропа, Германия не напала бы на Польшу, называет это попыткой «свалить с больной головы на здоровую». О. И. Чистяков отмечает, что вопрос о секретном протоколе к договору был поднят комиссией под руководством главного идеолога перестройки А. Н. Яковлева в 1989 г., но первоисточника тогда не предъявили. Фотокопия текста протокола, опубликованная в западной прессе после Второй мировой войны, вызывает большие сомнения. Позднее, в сборнике «Военные архивы России» (вып. 1, 1993) этот прото-

кол был опубликован с пометкой «подлинник», однако без указания, откуда составители его взяли, и без легенды к документу. Но если бы он и был, рассуждает ученый, то речь шла бы о разграничении сфер влияния в Восточной Европе, по сути, о безопасности границ. Война все равно бы началась, но для Германии это была бы чистая агрессия, а для СССР – возвращение аннексированных польскими войсками в 1920 г. западнорусских и западноукраинских земель, т. е. древнерусских владений. О. И. Чистяков опровергает и идею «превентивной войны», «утку» Геббельса, которая «была реанимирована одним подонком, изменившим Родине и издавшим на Западе пасквильную книжонку, основанную как раз на геббельсовской выдумке». О какой «превентивной войне» может идти речь, если на Германию работали все громадные ресурсы Европы, агрессор знал современные методы ведения войны, а СССР отставал «по преимуществу с военно-технической стороны».

По мнению ученого, в нападении Гитлера на Советский Союз сказался весь его авантюризм, выразившийся в решении начать войну вопреки всем немецким доктринам не воевать на два фронта. Мобилизовав фактически все ресурсы Европы, эта армия не осуществила «блицкриг», а доползла до Москвы, которую взять уже не смогла, и получила первое в истории Второй мировой войны поражение, «да еще какое!» [18, с. 18–19].

В середине 1990-х гг., когда пересмотр итогов войны уже происходил, профессор В. А. Золотарев напомнил, что Вторая мировая война явилась результатом краха политики «умиротворения» агрессора, а именно Германии, которая весной 1935 г. отказалась от соблюдения статей Версальского договора 1919 г., в марте 1936 г. в одностороннем порядке расторгла «гарантийный» Локарнский договор и оккупировала Рейнскую демилитаризованную зону, в марте 1938 г. аннексировала Австрию, а в сентябре 1938 г. захватила Чехословакию [8, с. 128]. Известный историк-юрист В. М. Курицын указывает на то, что цели Гитлера по достижению мирового господства, изложенные им еще в 1925 г. в книге «Майн кампф», получили воплощение в планах «Барбаросса» и «Ост». Экономический раздел «Барбароссы», план «Ольденбург», курируемый Герингом, предполагал тотальное изъятие и вывоз в Германию продовольствия, сырья, чернозема, промышленной продукции и оборудования, произведений искусства, что было впоследствии реализовано. План «Ост» предусматривал создание в оккупированных западных регионах СССР маркграфств и оставление при-

мерно только 50–70 млн местного населения для обслуживания оккупационной инфраструктуры. Остальные подлежали либо физическому уничтожению, либо переселению [11, с. 46–47]. Таким образом, ученый-юрист с конкретными фактами доказывал, что планы гитлеровской Германии и их реализация представляли угрозу физическому существованию русского и других народов Советского Союза.

Однако в высказываниях не только отдельных политических деятелей и блогеров, но и ученых-юристов мы встречаем и другие утверждения. Профессор ГУ-ВШЭ Н. А. Колоколов полагает, что «коммунистический сталинский и нацистский гитлеровский» режимы «сравнимы, поскольку это понятие одного рода» [10, с. 12]. Правда, все предыдущее содержание его статьи это не подтверждает. Следовательно, тезис никак не доказан, однако косвенно теория «равной ответственности» присутствует. Однако такой вывод совпадает с определениями некоторых структур европейской бюрократии, что в итоге привело к фальсификации истории и низведению подвига советских людей (более 27 млн чел. общих потерь).

Профессор Московского университета В. А. Томсинов, косвенно полемизируя с оценками, появившимися в период перестройки и нередко присутствующими и в наши дни, представляющими войну как столкновение двух тоталитарных режимов, прямо указывает, что так утверждать могут лишь «невежественные люди, не знакомые с документами, не знающие планов фашистской Германии против СССР». Эту войну со стороны Германии В. А. Томсинов характеризует как самую подлую из всех типов войн. В отличие от всех предыдущих войн, Германия преследовала цель уничтожения не только армии противника, но и мирного населения. Количество убитых мирных граждан Советского Союза в два раза превысило число военнослужащих, погибших в военных действиях.

Важно отметить, что В. А. Томсинов во многом по-новому осветил вопрос о целях и причинах нападения гитлеровской Германии на народы СССР. Это нападение ученый расценивает как «исключительный феномен в мировой истории», исходя из четырех позиций. Во-первых, нападение произошло в период действия международного права, предполагавшего цивилизованные отношения между государствами и ведение войн в соответствии с нормами, запрещавшими целенаправленное истребление мирного населения. Во-вторых, нападение совершила страна, достигшая еще в XIX в. высокого уровня материальной и духовной культу-

ры. В-третьих, Германия предприняла попытку уничтожить государство и народ, составлявший неотъемлемую часть европейской цивилизации, причем не только по географическому и этническому положению, но и по своей культуре. Наконец, в-четвертых, немецкие фашисты стремились уничтожить народ, с которым с давних времен были связаны тесными социокультурными узами.

В основе доказательств своей позиции В. А. Томсинов анализирует не исключительно военные цели, предусмотренные планом «Барбаросса», сосредотачивает внимание на двух крупных проблемах: целях гитлеровского руководства расчленить СССР (историческую Россию) и так называемых безболезненных способах уничтожения русского народа. Ученый приводит высказывания и конкретные директивы о расчленении России путем создания таких образований, как «Великая Финляндия», «Прибалтика», «Украина», «Кавказ», планах уничтожения народов России, прежде всего русского, в результате чего через 30 лет на территории европейской части СССР должно было остаться не более 14 млн местных жителей для обслуживания людей «чистой немецкой крови». При этом В. А. Томсинов, что очень важно, обращает внимание на те аспекты в предписаниях Гитлера, в которых предусматривалась правовая основа для освобождения от ответственности германских военнослужащих за преступления против советских граждан.

Ученый обратил внимание на планы уничтожения русского народа «безболезненными» способами. Среди них: расчленение территории, населенной русскими, на различные районы с собственными органами управления, административное дробление территории; уничтожение национальной интеллигенции как носителя научных, технических и культурных знаний; ослабление русского народа в расовом отношении; подрыв «биологической силы» (пропаганда стерилизации, недопущение борьбы за снижение смертности, сведение к минимуму подготовки врачей, отказ от поддержки детских учреждений и др.). Эти планы и практику их осуществления В. А. Томсинов характеризует как «людоедскую идеологию». Именно эта идеология и повлекла величайшие бедствия, выпавшие на долю граждан Советского Союза. Поэтому победа в Великой Отечественной войне не стала «вторым рождением нашего народа» [16, с. 27–28, 34].

В связи с тем, что в последнее время активно обсуждается и вопрос о происхождении войны на Дальнем Востоке, эта тема также находит отра-

жение в научной журнальной периодике. В. В. Ермошин, ст. науч. сотр. Института государства и права РАН, справедливо заметил, что положение, сложившееся в этой части Северо-Восточной Азии, нельзя рассматривать вне контекста того, что там происходило ранее. С конца 1920-х гг. Япония встала на путь к господству в этом регионе, подчинив к окончанию Второй мировой войны территории с населением более 400 млн чел. Однако еще в межвоенный период в пакте Бриана – Келлога (1928) было признано право государств на применение эффективных мер воздействия к нарушителям мирового порядка. Государства, объединившиеся против японской агрессии, имели право применить к ней меры международной ответственности, а на конференции в Каире (1943) США, Великобритания и Китай приняли решение «покарать агрессию Японии». В соответствии с Ялтинско-Потсдамскими соглашениями СССР обязался вступить в войну против Японии в составе антигитлеровской коалиции [6, с. 120].

Развитие отраслей права: взгляд ученых-юристов

Особенностям развития отдельных отраслей права в годы войны посвящено немало публикаций. Обобщающий характер носит статья И. А. Исаева, который, в отличие от остальных российских авторов, не употребляет понятие «Великая Отечественная война», а пользуется термином «Великая война в защиту Отечества». Термин, напоминающий о западной традиции именовать Первую мировую войну «Великой войной», но с существенным уточнением «в защиту Отечества». Характеризуя развитие права, он пишет о «правовой мобилизации», «мобилизационном праве», что, конечно же, верно определяет общую тенденцию развития всех без исключения отраслей права в военный период. При этом, по его мнению, правовая мобилизация началась еще в довоенный период. Правда, точная хронологическая граница не обозначена. Однако упоминаемые события позволяют говорить о второй половине 1930-х гг. Кстати, косвенно это опровергает еще одно застрявшее у некоторых авторов, как кость в горле, положение о якобы полной неготовности СССР к войне с агрессором. Краткий, но емкий обзор тех изменений, которые были внесены в конституционную систему государства, военную юстицию, практически во все отрасли права, убеждает в выводе о том, что правовая мобилизация «вскрывала новые силы и энергии, меняла социальную и экономическую структуру страны

и открывала новые перспективы правопонимания» [9, с. 3].

Среди публикаций привлекает статья известного ученого К. С. Бельского. В механизме правового регулирования общественных отношений в годы войны, в совокупности изучения норм различных отраслей права доминирующую роль он отводит административному праву. Именно оно, по мнению исследователя, сыграло особую роль в организации народа, государства и вооруженных сил для победы над врагом. Почему? Потому что гражданско-правовые (договорные), трудовые и иные отношения вытеснялись административно-властными, по существу вертикальными отношениями. Автор отстаивает мысль о том, что в годы войны административное право стало синонимом советского права вообще.

Другой аспект изучаемой автором темы заключался в решении проблемы доступа к новым источникам по административному праву. При этом он анализирует давно известные исследователям документы, такие как Закон «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г., постановление ГКО от 19 октября 1941 г. «Об объявлении осадного положения в Москве», приказ наркома обороны И. В. Сталина от 16 августа 1941 г. о советских военнопленных и др. Подробно автор анализирует постановление ГКО от 22 августа 1941 г. «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии», которое предусматривало выдачу 40-градусной водки в количестве 100 грамм в день на человека, в первую очередь для тех частей армии, которые вели наступательные операции. Это постановление К. С. Бельский оценивает как «принудительную алкоголизацию солдат» в «духе суровой юридической правды» [1, с. 76].

Мысль К. С. Бельского о решающей роли административно-властных отношений во многом подкрепляется материалами статьи А. М. Лушникова и М. В. Лушниковой, посвященной правовому регулированию трудовых отношений в годы войны. Прямое государственное принуждение к труду под страхом уголовной ответственности, усиление наказаний за нарушение трудовой дисциплины, централизация в регулировании труда, снижение уровня правовых гарантий для работающих – все это являлось проявлением жесткого трудового законодательства, вызванного чрезвычайными обстоятельствами [13, с. 59]. Вместе с тем это стало, по сути, неизбежным и в конечном счете явилось одним из источников Победы.

К проблеме ответственности за воинские преступления во время войны обратился д-

юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (1976–1987) Московского государственного университета Ю. М. Ткачевский. Юрий Матвеевич – участник войны, служил в авиационном полку дальней разведки Главного командования. За боевые заслуги в 1944 г. он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. В числе многих вопросов истории уголовного права в годы войны, Ю. М. Ткачевский затронул те, которые стали обсуждаемыми публицистами, журналистами, на темы которых были сняты художественные фильмы в последние годы. Речь идет о дисциплинарных и штрафных батальонах, а точнее об ответственности военнослужащих, в них оказавшихся. Ученый сразу определил различия, которые далеко не все учитывали. Дисциплинарные батальоны – это те, в которых осужденные отбывали наказания, а штрафные – особые воинские части, в которых военнослужащие, совершившие преступления, несли военную службу. Рассматривая изменения, внесенные в уголовное право в связи с началом войны, Ю. М. Ткачевский анализирует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. «Об освобождении военнослужащих из дисциплинарных батальонов». Военнослужащие этих батальонов, за исключением тех, кто был осужден за особо опасные государственные преступления, умышленное квалифицированное убийство, бандитизм, разбой и другие тяжкие преступления, направлялись в действующие части армии и флота. Большинство дисбатов были расформированы еще в начале войны. По некоторым составам преступлений было признано целесообразным предоставлять отсрочку исполнения приговора с направлением осужденного в действующую армию. Ю. М. Ткачевский подчеркивает, что по своей юридической природе отсрочка являлась разновидностью условного осуждения и в целом оправдала себя. Большинство военнослужащих штрафных батальонов достойно показали себя на фронте. В то же время введение таких наказаний, как каторжные работы, смертная казнь через повешение, применявшиеся к немецко-фашистским изуверам и их пособникам, изменникам Родины (Указ ПВС СССР от 19 апреля 1943 г.) были совершенно оправданы в условиях военного времени. Рассмотрев еще несколько уголовно-правовых актов и их применение, ученый сделал обоснованный вывод, что решительная и последовательная борьба с преступностью являлась одной из важных предпосылок победы над врагом [15, с. 35, 40, 47].

Различные аспекты борьбы с общеуголовной преступностью были освещены в статье С. М. Емелина. Статья основана на материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), вводимых в научный оборот впервые. Эти документы позволили автору выявить динамику уголовной преступности, раскрываемость преступлений, состояние работы по предупреждению преступлений в годы войны. В статье затронуты такие вопросы, как: формы профилактической работы по предупреждению преступности, в частности деятельность агентурного аппарата в преступной среде экономической направленности, организация оперативного учета и агентурной разработки преступного элемента. Эффективность такой работы подкреплена убедительными фактами. Новым в освещении темы является и рассмотренный аспект об усилении оперативной службы, контроля и оказания практической помощи территориальным службам со стороны центрального аппарата НКВД. Вывод автора о том, что «комплексный подход к решению правоохранительных задач, активная агентурная и профилактическая работа... позволили органам внутренних дел в годы войны не только успешно работать по приоритетным направлениям деятельности, но и действовать на опережение, внести достойный вклад в достижение победы» [5, с. 40–41], полностью доказан результатами небольшого по объему, но убедительного по содержанию исследования.

С. М. Емелин неоднократно обращался к этой теме, несколько сужая ее, например, рассматривая только борьбу со спекуляцией как одно из основных направлений деятельности органов внутренних дел в годы войны. Тот же скрупулезный анализ, основанный на достоверной разнообразной документальной основе, позволил автору рассмотреть и этот аспект государственно-правовой истории войны, дополнив его новыми данными, и прийти к доказанному выводу о том, что «четкая и слаженная работа органов внутренних дел в этом направлении позволила наращивать усилия по развитию военной экономики и обеспечить материальную основу коренного перелома, а затем и достижения победы в Великой Отечественной войне» [4, с. 32–33].

Проблемы борьбы с преступностью отдельных категорий граждан, а именно инвалидов войны в условиях тыла, затронул В. А. Гусак. Необходимо отметить, что эту тему обходили вниманием исследователи государственно-правовых проблем истории войны. Проанализировав статистический материал, прежде всего на

материалах регионов Урала, исследователь пришел к выводу о росте преступлений среди нетрудоустроенных инвалидов войны и молодежи в последние военные годы [3, с. 27–28]. Изучая причины такой ситуации, В. А. Гусак обратил внимание на серьезное отставание с решением социально-экономических проблем, социального неблагополучия и его уголовно-правовых последствий.

Проблемы плена

Проблема плена по нескольким причинам стала одной из наиболее обсуждаемых в отечественной литературе начиная с конца 1980-х гг. К числу этих причин можно отнести вопрос вызволения советских солдат, остававшихся в плену у моджахедов, после вывода частей нашей армии из Афганистана (февраль 1989 г.). Этот вопрос тогдашнее горбачевское руководство предварительно не решило. Вторая причина тех лет: мощнейшая пропагандистская критика всего советского и всего того, что было с ним связано, включая историю Великой Отечественной войны. Третья: вводимые в научный оборот новые источники по истории войны, дававшие возможность иначе посмотреть на известные, казалось бы, события. Эта тема спровоцировала изучение вопросов плена как неотъемлемого элемента войны вообще.

Одним из первых с правовой точки зрения на эту тему откликнулся канд. юрид. наук, доцент В. П. Галицкий. Он отметил, что проблема в научной литературе действительно была очень слабо разработана, публиковались лишь отдельные международно-правовые и внутрисоюзные акты без должного анализа всей практики взаимоотношений предвоенного и военного периодов. Согласно немецким данным (Штутгарт, 1978), в годы войны в плену находилось 5 734 528 советских военнопленных. Из них более 3,3 млн человек погибли. Это составило 57,8 % от всех находящихся в плену. Для сравнения: в СССР в плену находилось более 3 млн военнослужащих противника, в том числе около 2 млн немцев и 597 тыс. японцев. Почему такая разница?

К этой теме впоследствии еще будут обращаться исследователи. В упомянутых тогда, да и в настоящее время, некоторых средствах информации часто обвиняют СССР и лично И. В. Сталина в попустительском отношении к советским пленным и неподписании соответствующих конвенций. В связи с этим, в условиях той пропагандистской мощнейшей по масштабам кампании по этому вопросу, В. П. Галицкий отметил важные факты, которые, однако, были

проигнорированы в идеологической кампании конца 80-х–90-е гг. А именно, еще в довоенные годы (1922 – июнь 1941 гг.) в СССР были разработаны положения о военнопленных, в том числе финских и польских. Спустя несколько дней после начала войны, 1 июля 1941 г., Совет народных комиссаров СССР принял Положение о военнопленных. Содержание Положения распространялось в листовках и по радио для военнослужащих Германии и ее союзников. В Положении, в частности, говорилось о праве попавших в плен сообщать о своем нахождении, приобретать за свой счет одежду, продукты, получать посылки и денежные переводы. 17 июля 1941 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР издал ноту, доведенную до мирового сообщества советским правительством через посольство и Красный Крест Швеции, о том, что СССР будет соблюдать требования Гаагской 1907 г. и Женевской 1929 г. конвенций о пленных, раненых и больных на основе взаимности. 25 ноября 1941 г. НКВД опубликовал ноту «О возмутительных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», осуждающую практику истребления и предупреждающую о последствиях.

В то же время исследователь анализирует и приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г., согласно которому сдавшиеся в плен советские военнослужащие признавались дезертирами, а их семьи подлежали аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Данная норма трактовалась широко и применялась к тем, кто не только переходил на сторону врага, но и попадал в плен по независящим от него обстоятельствам. В. П. Галицкий обратил внимание, что эта норма перекликалась с нормой Положения о воинских преступлениях от 27 июля 1927 г., согласно которой сдача в плен влекла наказание в виде расстрела с конфискацией имущества. Ученый обратил внимание не только на явно обвинительный уклон этих актов, но и на политический аспект (перенесение ответственности с военно-политического руководства на плечи солдат), и на недостаточную научную правовую проработку этих вопросов. Позиция автора по вопросу плена заключалась в следующем: советское правительство сделало не все для того, чтобы облегчить участь своих военнослужащих в фашистском плену. В то же время В. П. Галицкий справедливо отметил, что проблема требует серьезного дальнейшего исследования.

Еще один очень важный вопрос, затронутый ученым-юристом, сводился к оценке фильтра-

ционной проверки военнослужащих, бывших в плену у противника. Ведь в тот период и даже сейчас можно встретить фразу о том, что, побывав в немецком плену, после возвращения, наши военнослужащие попадали в «сталинский» плен. Приведя данные из популярного тогда еженедельника «Аргументы и факты» о количестве вышедших из окружения и освободившихся из плена советских военнослужащих, В. П. Галицкий четко заявил свою позицию: этот вопрос не является ни противоправным, ни безнравственным. Фильтрация – это объективный процесс, вызванный соображениями собственной безопасности любого государства, в которое возвращаются бывшие военнопленные [2, с. 124, 128, 130].

В контексте изучения социально-правовой природы появлений коллаборационизма в СССР в годы войны проблему плена рассматривал и А. А. Фомин. Опираясь на труды историков и юристов (Т. Г. Ибатуллин, Б. Н. Ковалев, М. И. Семиряга и др.), автор разграничивает виды коллаборационизма. А. А. Фомин также анализирует приказ Ставки ВГК № 270, обращая внимание на то, что в случаях проявления трусости и дезертирства отдельных командиров и комиссаров их семьи предписывалось арестовывать, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи. Обращает внимание автор и на постановление Государственного комитета обороны от 24 июня 1942 г., согласно которому аресту и ссылке на срок до пяти лет в отдаленные местности страны подвергались ближайшие родственники изменников Родины, если они жили вместе до начала войны.

Вместе с тем автор отмечает, что СССР не подписал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1929 г., а в фашистской Германии она была имперским законом, обязательным для исполнения. И в то же время А. А. Фомин приводит приказы Гитлера, распоряжения немецкого командования о беспощадной расправе в отношении советских военнопленных. Факт неподписания СССР Женевской конвенции и даже официальное признание советским правительством Гаагской конвенции 1907 г. дали, по мнению А. А. Фомина, «формальный повод немецкому руководству не выполнять его требования в отношении советских военнопленных» [17, с. 217]. Эта тема спровоцировала изучение вопросов плена как неотъемлемого элемента войны вообще.

Проблему плена затронул и В. А. Томсинов. Он представил более панорамный взгляд на этот важнейший вопрос. Ссылаясь также на

немецкие источники, В. А. Томсинов приводит сопоставительные данные. Из содержащихся к 31 января 1945 г. в немецком плену французских военнопленных умерли 1,58 %, английских – 1,15 %, американских – 0,3 %, а советских – 57,8 %! В то же время немецких военнопленных умерло в советском плену 14,9 %. В. А. Томсинов указывает, что СССР не признал Гаагскую и Женевскую конвенции, не упоминает о нотах НКВД СССР, о чем писал В. П. Галицкий. Но между тем позиция В. А. Томсинова совершенно однозначна: этот факт не отменял со стороны Германии принцип международного права, требующий человеческого обращения с военнопленными. Германское военно-политическое руководство сознательно нарушало эти принципы: умерщвляло в газовых камерах, содержало без пищи в течение 6–8 дней, стреляло без предупреждения только при подозрении на побег и др. И в этом В. А. Томсинов, как отмечалось выше, справедливо видит проявление человеконенавистнической, людоедской фашистской идеологии [16, с. 30–31]. Таким образом, в отличие от А. А. Фомина, по традиции «перестроечной» историографии объяснявшего жестокое отношение к советским военнослужащим, оказавшимся в немецком плену, тем, что СССР не подписал упомянутые выше конвенции, В. А. Томсинов объясняет последнее проявлением человеконенавистнической идеологии фашизма, который сам грубо нарушал принципы международного права.

Война на Дальнем Востоке и проблема территориального переустройства

Вопрос о завершающем этапе Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке обсуждается гораздо чаще остальных сражений войны. Причина этого, очевидно, не столько в том, считать ли это самостоятельным заключительным этапом войны, сколько в том, что время от времени в средствах массовой информации начинает обсуждаться вопрос о территориальных проблемах по формулировке японской стороны и некоторых наших соотечественников.

Вопрос о праве СССР/России на Южный Сахалин и Курильские острова в новейшее время с нашей стороны стал обсуждаться во второй половине 1980-х гг., в период горбачевской перестройки. Стоит отметить целую серию статей 1989–1991 гг. в газете «Известия», в которых ставилась под сомнение законность прав победившей державы на эти территории. Конечно же, они отражали мнение конкретной части правившей тогда в СССР политической элиты. В научно-правовой журнальной пери-

одике в журнале «Государство и право», № 7 за 1991 г., т. е. еще до развала СССР, выступил С. М. Пунжин со статьей «СССР – Япония: можно ли при помощи права решить проблему “северных территорий”?». Автор выразил сомнения в обоснованности произошедших в регионе территориальных прав, сославшись на так называемую доктрину интертемпорального права. Пунжин также полагал, что, денонсировав пакт о ненападении с Японией, правительство СССР «нарушило свои международные обязательства». Отсюда следовал вывод о том, что «говорить о переходе Курил к СССР достаточно странно». Ученый ссылаясь и на Совместную советско-японскую декларацию 1956 г., содержащую пункты о возможной передаче нескольких островов Японии после подписания с ней мирного договора.

В отношении доводов С. М. Пунжина старший научный сотрудник Института государства и права РАН В. В. Ермошин сформулировал свои контрдоводы. Относительно первого: старые правила всегда уступают место новым (например, принцип самоопределения наций, запрета применения силы и угрозы силой в отношениях между государствами и др.). Относительно второго: пакт о ненападении с Японией был несовместим с обязательствами СССР по Статуту Лиги Наций, пакту Бриана – Келлога и договору с Китаем, срок действия которого в 1941 г. еще не истек. Однако самое основное заключалось в том, что обязательство поддерживать мир несовместимо с обязательством занимать нейтральную позицию по отношению к тем, кто ведет преступную захватническую войну. Относительно третьего: советское правительство и Верховный Совет СССР в 1956 г. превысили свои полномочия, принимая решения, которые нарушали права и интересы своего государства. Они не имели права, подобно королям и царям, распоряжаться достоянием народа своей страны.

В. В. Ермошин полагает, что право СССР/России на Южный Сахалин и Курилы основано на признании его членами международного сообщества государств. Страны, противостоящие Японии, выступали за передачу этих территорий СССР и согласились с просьбой советского руководства о восстановлении своих прав на Южный Сахалин и Курильские острова в Крыму и в Потсдаме. Новый Президент США Г. Трумэн также согласился с высадкой советских войск на Курильские острова. Таким образом, юрист-международник считает, что для территориальных претензий японское руководство «должно доказать наличие у него правовых

оснований для их предъявления». СССР действовал с согласия союзников и завладел только теми территориями, которые Япония утратила по воле борющихся с ней государств. Поэтому, по мнению В. В. Ермошина, все попытки японских политиков пересмотреть политико-правовые оценки международных событий 1941–1945 гг. обречены на неудачу [6, с. 122, 131].

Вопрос о причинах, побудивших СССР вступить в войну на Дальнем Востоке, затронул профессор В. В. Зимонин. Очевидно, что причины, заставившие обратиться к этой теме, были те же, что и отмеченные выше. Аргументация автора вполне традиционная, но о ней необходимо было напомнить тем, кто считал возможным реализовывать «общечеловеческие ценности» за счет отчуждения российских земель. Основная причина вступления в войну, по мысли автора, – это выполнение союзнических обязательств. Автор напомнил о заверениях, данных И. В. Сталиным президенту США Ф. Рузвельту в Тегеране. Кроме того, вступая в войну, СССР имел и свои причины: уничтожить очаг агрессии на Дальнем Востоке. Необходимо было также вернуть те потери, которые понесла Россия по результатам Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Косвенно отвечая С. М. Пунжину, В. В. Зимонин отмечает, что денонсация пакта с Японией в апреле 1945 г. не нарушала международных обязательств, поскольку коренным образом изменилась ситуация в мире. Япония, союзница нацистской Германии, воевала против стран антигитлеровской коалиции. Поэтому, отбрасывая всякие упреки против СССР внешних и внутренних «оппонентов», В. В. Зимонин делает недвусмысленный вывод: со стороны СССР война против Японии была справедливой, а для жертв японской агрессии носила гуманный характер. Это – выполнение союзнического долга в условиях сложной политической и военно-стратегической обстановки. К тому же это было достигнуто в короткие сроки и с минимальными потерями [7, с. 124].

Проблемы войны с Японией коснулся и О. И. Чистяков. Он говорит о том, что война с Японией «несомненно входит в состав Великой Отечественной войны». Отвечая тем, кто обвинял СССР в нарушении международного права путем денонсации пакта о ненападении, ученый-юрист просто указывает на истечение срока договора, не видя в этом никакой проблемы. Что же касается так называемого территориального спора, то О. И. Чистяков отмечает, что «территориальные споры не подлежат пересмотру. Это древнее право победителя». А

униженно просить побежденного заключить с нами, победителями, мирный договор – это «не годится для уважающей себя державы». К тому же очень важен исторический и юридический прецедент – если отдать Курилы Японии, Карелию запросит Финляндия, а Калининградскую область – Германия [18, с. 23–24].

На этот же аспект обращал внимание и В. М. Курицын, отмечая, что такой прецедент «способен породить хаос и в Европе. Ведь на таком же праве основаны нынешние границы Польши, не говоря уже о Балканах». Автор признает, что «обладание Курильскими островами основано на решениях Ялтинской и Потсдамских конференций, т. е. на праве войны. Но ведь и сама Япония владела ими до 1945 г. тоже по праву войны (по Портсмутскому договору 1905 г.) [12, с. 5–6].

Оценка войны, ее итоги и уроки

Эта проблема всегда будет актуальной, поскольку, несмотря на то, что человечество пережило тысячи войн, они происходят вновь и вновь. Вместе с тем понимание уроков самой разрушительной войны означает недопущение войны таких масштабов в будущем. Тема длительного времени казалась настолько очевидной, а результаты и общая оценка Второй мировой войны, закрепленные Ялтинско-Потсдамской системой, Нюрнбергским международным трибуналом, а затем Хельсинским актом 1975 г., устойчивыми, что не относились к числу дискуссионных. Но к концу 1980-х гг. в Европе стали происходить процессы, ставящие под сомнение незыблемость послевоенной системы международных отношений. Смена политических режимов в восточной части Европы («бархатные» революции, поглощение ФРГ ГДР, углубляющийся системный кризис СССР), а также усиление интеграции западноевропейских стран, развал Варшавского договора, СЭВ – все это заставило на новом этапе развития обратиться к вопросам исторической и правовой преемственности итогов войны и настоящих реалий. В этих условиях обращение к данной проблеме д-ра юрид. наук, зав. отделом Института государства и права АН СССР В. В. Пустогарова вполне объяснимо. Уже тогда, в 1990 г., начался ползучий пересмотр итогов войны, ставилось под сомнение ее международно-правовое оформление. Например, в правовой литературе ФРГ еще в 1970-х гг. была поставлена под сомнение юридическая сила Ялтинско-Потсдамских соглашений. Утверждалось, что они не были ратифицированы государствами, поэтому юридическая обязанность их спорная. В

ответ на это В. В. Пустогаров отвечает, что эти соглашения никогда не аннулировались и не признавались утратившими силу. Но самое основное состоит в том, что Ялтинско-Потсдамская система не сводится лишь к достигнутым в этих городах соглашениям. Она включает в себя принципы и положения, содержащиеся в Атлантической хартии 1941 г., Вашингтонской декларации 1942 г. (подписали 26 государств антигитлеровской коалиции), Декларации о наказании за преступления, совершенные во время войны (1942 г.), Московской декларации совещания министров иностранных дел США, Великобритании и СССР (октябрь 1943 г.) и др. Базовые положения следующие:

- национал-социализм (фашизм) преступен по природе; массовые преступления фашистских государств обусловлены самой природой этих режимов;

- борьбу с фашистскими агрессорами союзные державы вели на основе международной законности;

- фашистские преступники подлежали наказанию за преступления против мира международным судом;

- для возвращения в мировое сообщество в качестве полноправных членов государства, бывшие под властью фашизма, должны отказаться от фашистских режимов;

- обеспечение мира и безопасности в будущем возможно при искоренении фашизма в мировом сообществе и недопущении его возрождения.

Ученый-юрист отстаивал точку зрения о том, что именно Ялтинско-Потсдамские соглашения создали всю послевоенную конфигурацию в Европе, закрепленную в мирных договорах с бывшими союзниками Германии: Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией. В эту систему входил также Государственный договор с Австрией 1955 г., заключенный США, СССР, Великобританией и Францией. Урегулирование отношений на западе Европы: Боннский договор 1952 г. ФРГ с США, Великобританией и Францией, и урегулирование отношений на востоке Европы: договоры между ГДР и Польшей, ГДР и Чехословакией – все это в конечном счете привело к Хельсинкским договоренностям 1975 г. Безусловно, это важнейшие итоги Второй мировой войны. И никто на государственном уровне не подвергал их сомнению до рубежа 80–90-х гг. XX в. Ученый-юрист видел будущее переустройство в Европе, реализацию горбачевской идеи строительства «общеевропейского дома» на основе принципов Ялты и Потсдама, заключения «Хельсинки-2» [14, с. 6,

9, 12]. В тот период до развала СССР и последующих затем грандиозных геополитических изменений так считали или так писали очень многие. Однако реальность получилась совершенно иной.

Заслуживает внимания оценка результатов войны профессора В. А. Золотарева, который разделил их на политические и собственно военные. Первый урок: предотвратить войну можно только совместными усилиями. Второй урок: без СССР/России решить проблемы безопасности в регионе было невозможно. Третий вывод уроков войны был сделан не столько из анализа конкретных процессов, предшествовавших войне, сколько из господствовавшей тогда либеральной парадигмы: источником развязывания современных войн и конфликтов является не столько частная собственность на средства производства, сколько тоталитарный, бесконтрольный со стороны гражданского общества и его представительных учреждений, а потому непредсказуемый агрессивный режим. Отсюда, по мнению автора, вытекал и следующий урок: гарантом предотвращения войн, эффективной системы коллективной безопасности может быть только демократическое переустройство мира и составляющих его государств.

Необходимо отметить прозорливый анализ уроков войны с проекцией прогноза геостратегического положения России на будущее. Таким образом, исходя из уроков войны, исследователь, отдав дань официальной точке зрения, сделал верный вывод: основной задачей является укрепление безопасности России [8, с. 129, 133–134].

Однако можно встретить и «парадоксальные» оценки итогов войны. Н. А. Колоколов в своем выводе об итогах Второй мировой войны, вопреки неоднократно доказанным фактам о том, что главным выгодоприобретателем из этой войны вышли Соединенные Штаты, очевидно, в поисках оригинальности, делает вывод о том, что выиграли, «как ни странно, славяне!». И приводит «убедительный» довод: образование самостоятельных государств: Чехии, Словакии, Хорватии, Черногории, Украины и др. [10, с. 12]. Правда, то, что эти государства образовались через 40 с лишним лет после окончания Второй мировой войны в результате начавшегося распада всей послевоенной системы международных отношений, ничуть не смущает автора. А уж о том, какую «весомую» роль в современном мире играют эти государства, автор вообще не упоминает.

Выше уже говорилось о достойной по доказательной базе статье В. А. Томсинова. Он оце-

нивает победу в Великой Отечественной войне и ее основной итог как предотвращение дальнейшего распространения в европейском общественном сознании идеологии, оправдывающей самые жестокие формы борьбы за территорию и ресурсы, тотальную войну, предполагавшую уничтожение целых народов. Поэтому у нас не было Победы более великой, чем Победа 1945 г. Именно эта Победа стала «вторым рождением нашего народа» [16, с. 16, 34].

Таким образом, как видим, общественно-политическая и идеологическая ситуация изучаемого периода налагала определенный отпечаток на проблематику некоторых публикаций. В центре обсуждений находились (и находятся) действительно научные проблемы, имеющие общественно-политическое значение. Однако явно преобладал профессиональный анализ исследуемых проблем. Современные российские ученые-юристы внесли значительный вклад в изучение актуальных вопросов истории Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельский К. С. Административное право и административно-правовая наука в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Государство и право. 2005. № 9. С. 70–76.
2. Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124–130.
3. Гусак В. А. Проблема преступности среди отдельных категорий граждан в условиях тыла на завершающем этапе войны (1944–1945 гг.) // История государства и права. 2010. № 3. С. 26–28.
4. Емелин С. М. Борьба со спекуляцией как одно из основных направлений деятельности органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 30–33.
5. Емелин С. М. Историко-правовые аспекты борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История государства и права. 2010. № 17. С. 38–41.
6. Ермошин В. В. К вопросу о праве России на южный Сахалин и Курильские острова // Государство и право. 1995. № 1. С. 119–131.
7. Зимонин В. В. Финал Второй мировой войны // Государство и право. 1995. № 9. С. 121–124.
8. Золотарев В. А. Уроки Второй мировой и Великой Отечественной войны // Государство и право. 1995. № 7. С. 128–135.
9. Исаев И. А. Право в условиях Великой войны: «правовая мобилизация» // История государства и права. 2015. № 9. С. 3–6.
10. Колоколов Н. А. Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и будущее славянских государств: новый взгляд на итоги Второй мировой войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 2–13.
11. Курицын В. М. Ликвидация государственности народов нашей страны, их ограбление и порабощение – цель

гитлеровской Германии в войне 1941–1945 гг. // История государства и права. 2010. № 6. С. 42–47.

12. Курицын В. М. Проблема Курильских островов // История государства и права. 2010. № 13. С. 2–6.

13. Лушников А. М., Лушникова М. В. Правовое регулирование трудовых отношений в годы Великой Отечественной войны (краткий историко-правовой очерк) // История государства и права. 2015. № 9. С. 55–60.

14. Пустогаров В. В. Международно-правовое наследие Победы и современность // Советское государство и право. 1990. № 5. С. 3–12.

15. Ткачевский Ю. М. Ответственность за воинские преступления во время Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2005. № 3. С. 34–47.

16. Томсинов В. А. Великая Отечественная война (1941–1945): что это было? // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2010. № 3. С. 16–34.

17. Фомин А. А. К вопросу о социально-правовой природе проявлений коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 214–223.

18. Чистяков О. И. Великая Отечественная и современность // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2005. № 3. С. 12–25.

REFERENCES

1. Belskii K.S. Administrativnoe pravo i administrativno-pravovaya nauka v period Velikoi Otechestvennoi voyny i v pervye poslevoennye gody [Administrative law and an administrative – legal science during Great Patriotic war and in the first post-war years]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and the law], 2005, no. 9, pp. 70-76. (in Russian).
2. Galitskii V.P. Problema voennoplennykh i otnoshenie k nei Sovetskogo gosudarstva [A problem war intern and the relation to it of the Soviet state]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet state and the law], 1990, no. 4, pp. 124-130. (in Russian).
3. Gusak V.A. Problema prestupnosti sredi otdelnykh kategorii grazhdan v usloviyakh tyla na zavershayushchem etape voyny (1944-1945 gg.) [A problem of criminality among separate categories of citizens in conditions of rear at the closing stage of war (1944-1945)]. *Istoriya gosudarstva i prava* [The History of The State and the law], 2010, no. 3, pp. 26-28. (in Russian).
4. Emelin S.M. Borba so spekulyatsiei kak odno iz osnovnykh napravlenii deyatelnosti organov vnutrennykh del v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Struggle against gamble as one of the basic directions of activity of law-enforcement bodies within Great Patriotic war]. *Istoriya gosudarstva i prava* [The History of The State and the law], 2010, no. 9, pp. 30-33. (in Russian).
5. Emelin S.M. Istoriko-pravovye aspekty borby s prestupnost'yu v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945 gg.) [Historical-law aspects of struggle against criminality with in Great Patriotic war (1941-1945)]. *Istoriya gosudarstva i prava* [The History of The State and the law], 2010, no. 17, pp. 38-41. (in Russian).
6. Ermoshin V.V. K voprosu o prave Rossii na yuzhnyi Sakhalin i Kurilskie ostrova [To a question on the right of Russia to southern Sakhalin and Kuriles]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and the law], 1995, no. 1, pp. 119-131. (in Russian).
7. Zimonin V.V. Final Vtoroi mirovoi voyny [The ending of the Second world war]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and the law], 1995, no. 9, pp. 121-124. (in Russian).
8. Zolotarev V.A. Uroki Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voyny [Lessons of the Second world and Great Patriotic war]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and the law], 1995, no. 7, pp. 128-135. (in Russian).
9. Isaev I.A. Pravo v usloviyakh Velikoi voyny: "pravovaya mobilizatsiya" [The right in conditions of Great war: "legal mobilization"]. *Istoriya gosudarstva i prava* [The History of The State and the law], 2015, no. 9, pp. 3-6. (in Russian).
10. Kolokolov N.A. Pobeda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 godov i budushchee slavyanskikh gosudarstv: novyi vzglyad na itogi Vtoroi mirovoi voyny [A victory in Great Patriotic war of 1941-1945 years and the future of the Slavic states: a new sight on results of the Second world war]. *Istoriya gosudarstva i prava* [The History of The State and the law], 2010, no. 9, pp. 2-13. (in Russian).

11. Kuritsyn V.M. Likvidatsiya gosudarstvennosti narodov nashei strany, ikh ograblenie i poraboshchenie – tsel gitlerovskoi Germanii v voine 1941-1945 gg. [Liquidation of statehood of peoples of our country, their robbery and enthrallment – the purpose of Hitlerite Germany in war of 1941-1945]. *Istoriya gosudarstva i prava* [The History of The State and the law], 2010, no. 6, pp. 42-47. (in Russian).

12. Kuritsyn V.M. Problema Kurilskikh ostrovov [the Problem of Kuriles]. *Istoriya gosudarstva i prava* [The History of The State and the law], 2010, no. 13, pp. 2-6. (in Russian).

13. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Pravovoe regulirovanie trudovykh otноshenii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (kratkii istoriko-pravovi ocherk) [Legal regulation of labor relations with in Great Patriotic war (brief historical-law a sketch)]. *Istoriya gosudarstva i prava* [The History of The State and the law], 2015, no. 9, pp. 55-60. (in Russian).

14. Pustogarov V.V. Mezhdunarodno-pravovoe nasledie Pobedy i sovremennost' [An international legal heritage of the Victory and the modernity]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet state and the law], 1990, no. 5, pp. 3-12. (in Russian).

15. Tkachevskii Yu.M. Otvetstvennost' za voinskie prestupleniya vo vremya Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945) [The responsibility for military crimes during Great Patriotic war (1941-1945)]. *The Bulletin of the Moscow university. Sulfurs 11. The law*, 2005, no. 3, pp. 34-47. (in Russian).

16. Tomsinov V.A. Velikaya Otechestvennaya voina (1941-1945): chto eto bylo? [Great Patriotic war (1941-1945): what it was?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [The Bulletin of the Moscow University. Sulfurs 11. The law], 2010, no. 3, pp. 16-34. (in Russian).

17. Fomin A.A. K voprosu o sotsialno-pravovoi prirode proyavlenii kollaboratsionizma v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [To a question on a social – legal nature of displays of a collaboration in the USSR with in Great Patriotic war]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian law journal], 2015, no. 1, pp. 214-223. (in Russian).

18. Chistyakov O.I. Velikaya Otechestvennaya i sovremennost' [Great Patriotic and the modernity] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [The Bulletin of the Moscow University. Sulfurs 11. The law], 2005, no. 3, pp. 12-25. (in Russian).

Historical-lawist Problems of Studies of the Great Patriotic War in the Modern Scientific Journal Periodical Press

© Kazarin V. N., 2020

Debatable problems of Great Domestic war in the newest scientific – legal journal periodical press is analyzed. The author analyses publications in the most significant Russian scientific-periodicals. It is marked, that state-legal problems of a history of war constantly drew attention of scientists – lawyers. In new geopolitics conditions after disintegration of the USSR scientists have addressed to studying of some problems which before were not a subject of independent studying, or in many respects have in a new fashion considered already investigated phenomena and events. Discussion about the responsibility for развязывание the Second world(global) and Great Domestic wars is marked, the purposes of Hitlerite Germany are specified. It not only liquidation of statehood of the USSR. National-socialist the ideology, plans of the German management and their realization represented threat to physical existence of Russian and other peoples of our general(common) Fatherland. It is underlined, that in severe conditions of war all branches of the right, first of all administrative, criminal and labor developed. Studying by scientists of criminal – legal methods of struggle against criminality is shown. Illumination of a problem of a captivity as integral element of war and displays of a collaboration in occupied Soviet territories is considered. Studying by scientists – lawyers of the international, political and legal problems of war on the Far East, a territorial reorganization and his(its) consequences in this part of northeast Asia is separately considered. It is underlined, that the political and ideological situation of last decades imposed the certain print on a problematic of some publications. However, the professional analysis of researched problems obviously prevailed. Modern Russian scientists-lawyers have brought in the significant contribution to studying pressing questions of a history of Great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war, state-legal problems, jurisprudence, historical-law researches.